

ОТКРЫВАЯ И ТВОРЯ КРАСОТУ...

КАЗАЛОСЬ БЫ, мы давно это знаем: в коммунистическом обществе искусство будет значить для людей больше, чем во все прежние эпохи. Казалось бы, это давно вошло в наше сознание: коммунистическое общество создаст условия для невиданного художественного расцвета. Это давно прочитано нами в трудах основоположников марксизма-ленинизма. Давно продумано, прочувствовано, принято в душу.

И все же нас глубоко взволновали, обрадовали, наполнили гордостью страницы новой Программы Коммунистической партии Советского Союза и выступления руководителей нашей партии на XXII съезде, посвященные задачам развития литературы и искусства. Не только потому, что они позволили ощутить близость реального осуществления многих предсказаний и мечтаний. Эти страницы помогли нам лучше увидеть и глубже понять сегодняшний день.

Еще совсем недавно у нас — и в среде творческих работников, и на широких дискуссиях — звучал примерно такой диалог:

— Принято говорить, что успехи науки и техники XX века затмевают достижения литературы и искусства. Но разве в одном только русском — таком ярком и многообразном — искусстве не творили и не творят в наш век писатели, музыканты, артисты, которых мы с полным правом называем великими, — от Горького до Шолохова, от Станиславского до Эйзенштейна, от Рахманинова до Шостаковича, от Шалапина до Обуховой, от Павловой до Улановой, от Игумнова до Рихтера, от Комиссаржевской до Пашенной?..

— Пусть так, но в жизни большинства людей наука и техника стали играть неизмеримо большую роль, чем искусство. Пора отрешиться от романтических представлений на этот счет. Человек, отправляясь в космос, не захватит с собой ни ветки сирени, ни томик стихов...

В этот диалог вмешалась действительность. Человек отправился в космос. Двое советских людей впервые в истории человечества взглянули на землю со стороны — и из космоса донесли слова: красота — какая!

◇
Б. БЯЛИК
◇

Оказалось, что путь к звездам шел не только через полеты, тренировку, лаборатории, математические расчеты, но и через любимые романы и фильмы. Оказалось, что и там, на неизведанной высоте, в ракете, летящей с фантастической скоростью, советские люди вспоминали строки любимых стихов, мелодии любимых песен.

Недавний спор, возбуждавший такие страсти, кажется наивным и немного смешным, когда мы читаем в новой Программе: «В условиях перехода к коммунизму творческая деятельность во всех областях культуры становится особенно плодотворной и доступной для всех членов общества. Советская литература, музыка, живопись, кинематография, театр, телевидение, все виды искусства достигнут новых высот в развитии идейного содержания и художественного мастерства».

Самое замечательное, самое волнующее в разделе Программы, посвященном эстетическому воспитанию народа, то, что вопросы, решение которых прежде казалось далеким, поставлены ныне как практические, деловые задачи дня. Это обязывает и нас к деловому, предельно конкретному обсуждению даже самых широких задач эстетического воспитания. Например, такой задачи: как сделать, чтобы каждое большое, настоящее произведение искусства стало известно каждому советскому человеку, вошло в его внутренний мир, стало частицей его души?

Есть такое понятие: техминимум.

Нельзя ли ввести нечто сходное с этим понятием в дело эстетического воспитания? Легко догадаться, какие сомнения могут вызвать эти слова у читателя. Разве можно говорить о каком-то эстетическом минимуме? И что означал бы он практически: популярные брошюры по эстетике? Список наиболее интересных и важных художественных произведений?

Нет, ни о каких общеобязательных «списках» не может быть и речи. Каждый человек идет к пониманию прекрасного своим путем. Даже огромное по своей идейной и художественной ценности произведение не действует на всех людей одинаково: одного оно оставляет холодным, для другого становится открытием, в третьем вызывает целый душевный переворот. Но прежде всего человек должен иметь возможность познакомиться со всеми большими произведениями искусства, во всяком случае — с «минимумом», с наиболее значительными из них.

К сожалению, такая возможность существует не всегда.

Когда выпускают новый фильм, его обычно сразу показывают во многих кинотеатрах, а потом он одновременно исчезает со всех экранов, и не обязательно потому, что перестали заполняться залы театров. Иногда это делается в тот момент, когда фильм еще многие хотят посмотреть. Мне рассказывали, что в одном из французских кинотеатров фильм «Сорок первый» шел подряд больше года. Люди хотели смотреть его — и он шел. Я видел «Валладу о солдате» в Праге, в театре, где этот фильм демонстрировался уже больше месяца. И его еще не собирались снимать с экрана. Почему бы и нам не ввести это в обычай, особенно в городах, где есть несколько кинотеатров: продолжать, хотя бы в одном из театров, показ хороших, идейно и художественно ценных фильмов до тех пор, пока этого хотят зрители, пока это нужно народу?

Хорошие фильмы надо, кроме того, почаще возвращать на экраны, чтобы зритель мог посмотреть их снова, как он может перечитать любимой роман или поэму. Не слишком ли быстро сошла с экранов «Простая история», — хотелось бы во второй и в третий раз вдуматься в этот фильм, в игру Н. Мордюковой. Это относится и

к фильмам о современности, и к так называемым «старым» картинам. У нас вырастает немало молодых людей, еще ни разу не видавших этапных произведений Эйзенштейна, Пудовкина, Довженко и других замечательных художников советской и зарубежной кинематографии, еще не принявших в душу многих шедевров киноискусства, украсивших собою все искусство нашей эпохи. И вот я думаю, почему бы не сделать так, чтобы в каждом кинотеатре был отведен один день в неделю на классику советской кинематографии? Ведь это означало бы обогатить замечательными духовными ценностями миллионы людей, которые по той или иной причине прошли мимо них.

То же самое можно было бы сказать и о нашем театральном искусстве. У нас есть немало городов, где вырастает молодежь, никогда не видевшая на сцене «Гамлета» и «Тартюфа», «Горе от ума» и «Егора Булычова», «Оптимистическую трагедию» и «Разлом».

Ясно одно: в деле эстетического воспитания у нас осталось много неиспользованных «резервов». Это становится еще яснее, когда вспоминаешь, что человека эстетически воспитывают не только литература и искусство, но и все, что его окружает, в частности быт. Основатели Художественного театра любили повторять, что театр начинается с вешалки. Простая и глубокая мысль! Человек, приходя в театр, должен с самого порога погружаться в атмосферу искусства, настраиваться на его волну.

Это — прекрасно! Но как прекрасно было бы, если бы человек погружался в атмосферу искусства не с порога театра, а с порога дня, каждого обычного дня своей жизни. Собственно, так оно и происходит: печать искусства лежит на многом, что видит человек дома, на улице, на работе, — всюду. Но печать какого искусства — подлинного или поддельного? Всегда ли стоит настраиваться на его волну?

Когда человек открывает утром глаза, он видит стены своей комнаты, цвет и рисунок обоев. Кто вычислит, сколько раз он видел их за месяцы и годы? Кто определит, какой след они оставили в его представлениях о красивом и безобразном? Утверждают, ссылаясь на экспериментальные исследования, что разная окраска стен цехов по-разному влияет на утомляемость рабочих, в конечном счете — на производительность труда. Я не знаю, так это или не так. Но если говорить не о физиологических последствиях подобных влияний, а об эстетических, то они несомненны. Обои, мебель, одежда — все это изо дня в день, из часа в час формирует наш эстетический вкус. Сила подобных влияний именно в их ежедневности и ежечасности.

Если человек какое-то время просто потрясенный в музее перед картиной великого художника, это может оставить в его душе глубокий след на всю жизнь. Но это не может само по себе стереть бесчисленных микроскопических следов от совсем иных впечатлений — от беззвучных завитушек на обоях, от крикливой пестряди тканей и от многого другого. Необходима прямая борьба против безвкусицы в быту, — она ведется, эта борьба, ведется с каждым годом упорнее, но ей надо придать еще больший размах. Столь же необходимо постоянное внимание к тем, кто вносит своим творчеством в быт подлинную красоту.

Кому, кроме специалистов, известны имена творцов лучших рисунков для обоев и тканей — творцов произведений, приобретающих огромные, ни с чем не сравнимые тиражи? Странное дело! Мы десятки раз, из статьи в статью, называем одних и тех же художников-абстракционистов лишь для того, чтобы снова и снова указать на антиэстетический характер измышленных ими сочетаний линий и красок. Мы помещаем их для наглядности и иллюстрации: вот они, эти сочетания, режущие глаз, поражающие демонстративным отказом от красоты, даже какой-то ненавистью к ней. Но почему мы так мало говорим о художниках, которые нашли совсем иные сочетания, — радующие глаз и украшающие нашу жизнь?

Советский человек испытывает все большую потребность в красоте. С какой любовью занимаются сотни, тысячи людей украшением родной земли, и